

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

ПАМЯТНИКИ
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Елена Николаевна Грицак
Архангельское
Серия «Памятники
всемирного наследия»

Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167435
Е.Н.Грицак Архангельское: Вече; Москва; 2007
ISBN 978-5-9533-2515-8

Аннотация

Среди множества памятников культуры Подмосковья усадьба в селе Архангельском занимает особое место. Ее история – это чередование периодов расцвета, упадка и полного забвения. В лучшие свои времена она служила для увеселения и сменила двух владельцев, имена которых были знакомы каждому россиянину тогда и не забыты теперь. Ни один из хозяев не жалел средств на ее украшение, и Архангельское, впитав в себя достижения западноевропейского искусства, стало, как ни странно, образцом чисто русской культуры.

Содержание

Введение	4
Церковь без пения, село без хозяина	8
Дворец из брусчатого леса	19
Большой дом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Николаевна Грицак

Архангельское

Введение

Бывали ли вы в Архангельском? Ежели нет, поезжайте, а то оно превратится... не знаю во что.
А. И. Герцен

Усадьбы богатого дворянства существовали в окрестностях Москвы издавна и в немалом количестве. Те, что находились вблизи столицы, выгодно отличаясь от далеких захолустных поместий, служили не для постоянного житья и не для того, чтобы приносить доход. Раскинувшиеся на загородных просторах, скрытые от любопытных глаз чудесными садами, они тешили самолюбие хозяев и поддерживали, как говорилось в старину, честь имени. Временем расцвета подмосковных усадеб считается конец XVIII – начало XIX века. Именно тогда в них работали приглашенные из Европы мастера, а их сиятельные владельцы, соревнуясь друг с другом в роскоши, тратили целые состояния на картины, книги, статуи, фарфор, видя в том не заботу о себе, а общественный долг.

«Представив село мое зрителям в виде очаровательном, – писал в завещании граф Николай Петрович Шереметев,

владелец соседнего с Архангельским поместья, – думал я, что совершил величайшее, приятное, достойное удивления и восхищения публики дело, в коем видны мое знание и вкус...». Его детище в самом деле достойно похвалы, хотя справедливости ради нужно заметить, что прославленное шереметевское Останкино по удобству расположения и красоте окрестностей все же уступает Архангельскому. Устроенное на плоской голой равнине, оно лежит чуть дальше от столицы и не имеет «своей» реки, без которой трудно представить подмосковный пейзаж.

Все дороги Архангельского ведут к Москве-реке

Нынешнее Архангельское завершается там, где некогда начиналось – на обрывистом берегу Москвы-реки. Отсюда взгляду открываются заречные дали, только отсюда создается полное впечатление об ансамбле и только здесь можно осознать его колоссальный размер. Некогда с этого места княжескую усадьбу писали крепостные художники, пытаясь охватить взглядом все сразу: дворец, парк и маленькую старую церковь – единственную постройку, уцелевшую с тех времен, когда будущий дворцовый комплекс был всего лишь хозяйственной вотчиной.

Церковь без пения, село без хозяина

То небольшое, что находилось на месте великолепной княжеской усадьбы до 1537 года, вряд ли заслуживало внимания чиновников. Хозяйство было мелким, поэтому звенигородские писцы в разъезжей грамоте упомянули не его, а близлежащее село. В документе, где определялись границы поместных земель, оно называлось Уполозами: к холму, где стояла деревня, река подступала крутой излучиной, поэтому здесь часто случались оползни. По селу именовался и его первый известный ныне хозяин – московский дворянин Алексей Иванович Уполоцкий, чья родословная осталась тайной из-за небрежности старых авторов. Такой же загадкой остался и вид его владений, но об этом можно догадаться, зная, как выглядела и на ком держалась типичная вотчина XVI века. Ее население составляли сам хозяин, его крепостные и свободные слуги. Все они жили в разных частях господского двора, так или иначе имея отношение к добротному деревянному дому, погребам, конюшням, хлеву, птичнику и курным избам, где обычно селили холопов.

К хозяйским хоромам, словно желая найти защиту от нужды и врагов, тянулись крошечные (в 2–3 избы) деревеньки, населенные вольными крестьянами. Похожий облик в по-

следние годы правления Ивана Грозного имели и Уполозы – сельцо, стоявшее на высоком берегу реки, не примечательное ничем, кроме, как говорилось в грамоте, «церкви без пения да двух дворов вотчинниковых». Сам вотчинник, представляя собой лицо не слишком важное, больше в документах не фигурировал никогда, в отличие от своего хозяйства.

Следующие сведения об Уполозах относятся к XVII веку. В ту пору государство русское, миновав Смутное время, проходило испытание голодом, слабой властью, малыми, но беспрестанными войнами, к тому же отдавая последние силы борьбе с польской шляхтой. Результатом этого стали выморочные деревни, которые продавались порой за бесценок, лишь бы сбыть с рук уже не доходное, но по-прежнему хлопотное хозяйство. Именно таким представлялось мужнино наследство вдове Любаве Уполоцкой. Деревенька была очень дешево куплена братьями Киреевскими, а вскоре перепродана и далее в течение двух десятков лет поочередно принадлежала боярам Шереметевым, Одоевским, Черкасским.

Главный фасад церкви Михаила Архангела обращен к селу и усадьбе

Последний, если верить летописцам, приобрел усадьбу уже с 6 дворами и новой каменной церковью Михаила Архангела, которая заменила ветхую деревянную заботами Якова Никитича Одоевского. Будучи постройкой значительной для своего времени и места, она дала название селу, с той поры (приблизительно с 1646 года) именовавшемуся не иначе как Архангельским. В переписной книге той поры имеется любопытная запись: «За боярином Федором Ивановичем»

чем Шереметевым вотчина, что была за Немиром и Григорием Киреевскими, село Уполозье, Архангельское тож, а в нем церковь Архангела Михаила деревянна, а у церкви во дворе поп Михайло (видимо, поповский дом); да задворных людей два двора конюхов, да деловых людей три двора и один двор пуст. Деревня Захарково, а в ней крестьян 14 дворов да два двора пусты: Парфенка Наумов и Трофим Васильев бежали безвестно в нынешнем году».

Архангельская церковь прячется за деревьями, словно стыдясь своего скромного вида

О непосредственном строителе храма сведений не имеется, но им, скорее всего, является Павел Сидорович Потехин – крепостной зодчий, незадолго до этого украсивший подобным произведением село Николо-Урюпино, коим владели Черкасские, родичи его хозяев Одоевских.

Невысокая, простая по конструкции церковь в Архангельском была лишена пышного декора, зато радовала взор прекрасными пропорциями. Ее отличала едва заметная наивность облика, характерная для провинциальной архитектуры. Еще одной оригинальной чертой послужила асимметричная композиция: одноглавый четверик в центре и такие же, четырехгранные в плане, приделы, стоявшие не на одной линии, как полагалось, а по диагонали. Необычной была и конструкция сводов, каждый из которых опирался на 2 столпа вместо привычных 4. Потехин, как известно, предпочитал богатый декор, но этот любимый им прием позволил отнести скромный храм в Архангельском к его творчеству.

По разным источникам, мастер был крепостным и Шереметевых, и Одоевских, и Черкасских. Все три семьи имели немалые богатства, состояли друг с другом в родстве и потому поочередно владели одними и теми же деревнями. Нехватка хороших мастеров в Подмоскowie заставляла их пользоваться услугами одной строительной артели, которой,

как говорят, в свое время покровительствовал «тот самый» князь Пожарский.

Павел Потехин, сын кузнеца Сидора из Кадниц, попал в нее после смерти отца. Сначала юноше пришлось выполнять самую простую работу: подносить кирпичи, месить известь. Освоив более сложные операции, он стал помогать советами даже опытным рабочим, заслужил авторитет и уже через несколько лет встал во главе артели. Руководимая им строительная команда насчитывала около сотни мастеров высокого класса.

Среди них были не только каменщики, но и резчики по дереву и камню, плотники, столяры, кузнецы, даже иконописцы с золотильщиками, причем каждый мог при необходимости подменить другого. Четверо ближайших помощников Потехина следили за теми работами, которые сам он контролировать не мог.

Когда Черкасский начал строить в своей нижегородской вотчине монастырь, Павел Сидорович был серьезно болен: плохо видели глаза, ныли и отказывались ходить ноги, из-за чего мастеру становилось все труднее и труднее взбираться на леса, чтобы лично наблюдать за рабочими. Вскоре, отстраненный от дел, он отправился в родные Кадницы, где жили четверо его сыновей. О том, кто была жена Потехина, когда он женился и когда умер, сведений не сохранилось. Зато сохранились великолепные творения, по которым наши современники могут судить о таланте крепостного зодче-

го, посвятившего жизнь каменной сказке. К сожалению, документальных свидетельств того, что храм в Архангельском строил именно Потехин, также не имеется. Однако по архитектуре он настолько близок к его произведениям, что догадка, будто крепостной мастер, работавший во всех имениях Одоевских, приложил свою руку и здесь, выглядит вполне правдоподобно.

«Подмастерье Пашка Потехин», как зодчего именовали господские писцы, выбрал для Михаила Архангела место на редкость удачное. Построенный на крутояре, невысокий храм смотрелся не просто солидно, а величаво. С берега реки прихожане видели его четкий, тяжеловатый внизу и легкий вверху силуэт, наверняка замечая, что на фоне соснового леса он выглядит особенно красиво. Перед теми, кто подходил к церкви со стороны усадьбы, открывался главный фасад, а за ним – беспредельные дали: водная гладь, луга, поля, перелески и тающие в белесой дымке холмы.

Среднюю часть храма венчала живописная пирамида из кокошников с венцом в виде луковичной главки. Световой барабан центрального купола смотрел на прихожан узкими прорезями окон и опирался на распалубку, благодаря чему небольшое здание казалось выше снаружи и просторнее внутри. Своеобразным украшением служили окна в круглых апсидах – узкие, окаймленные скромными наличниками и забранные решетками, они позволяли солнечным лучам свободно проходить в зал, где не было ни росписей, ни богатого

иконостаса, которых, впрочем, нет и сейчас. Все убранство церкви до сих пор составляют чисто выбеленные стены, черно-белый плиточный пол и отнюдь не драгоценная утварь – подношения часто сменявших друга друга вотчинников.

С южной стороны Михаила Архангела находится маленькое кладбище

Вначале единственный вход в храм Михаила Архангела находился с северной стороны, там, куда подходила дорога из села. Позже здание было перестроено по канонам классицизма и, к сожалению, утратило свою оригинальную ком-

позицию. Позднейшие строители, не искушенные в архитектурном искусстве, неловко расширили окна, переложили полы, снесли тесовую кровлю, заменив ее железной. Под банальной четырехскатной крышей спрятали очаровательные кокошники – за ними якобы некому было ухаживать. Тогда же снесли маленькую звонницу над западной стеной, а вместо нее возвели колокольню, сначала деревянную, а потом каменную, трехъярусную, с часами и шпилем.

В середине XIX века, когда в архангельской церкви стали собираться не только сельчане, но и жители всей округи, владельцы усадьбы затеяли вторую, еще более значительную перестройку: увеличили крытую паперть, разобрали старинный юго-западный придел и сделали новый, более просторный, расположив его симметрично северо-востоку. В следующем столетии храм, раньше открытый всегда и для всех, отгородила от мира глинобитная ограда, украшенная в модернистском духе мелкой галькой. Перед тем прихожане подходили и подъезжали к Михаилу Архангелу, следуя через Святые ворота. Возведенные наподобие модных триумфальных арок, они находились довольно далеко и от самой церкви, и от ограды, которую можно было преодолеть только пешком, пройдя, едва ли не согнув спину, через низкую арку. По бокам глинобитного забора возвышались башни со шпилями, целиком сделанные из дерева и похожие на колокольни. Еще позже, уже в советскую пору, настоящая колокольня была разобрана, зато окна приобрели пер-

воначальную вытянутую форму и на центральном четверике вновь появились кокошники.

С недавних пор Михаил Архангел вновь принадлежит Церкви. Вход на территорию музея-усадьбы платный, но тем, кто направляется по Святому пути на богослужение, билет не нужен. К сегодняшнему дню вблизи храма сформировалось маленькое кладбище. Среди разнородных, хотя и одинаково ухоженных могил внимание чаще привлекает надгробная плита у южной стены. Под ней покоится княжна Татьяна Николаевна Юсупова, дочь одного из последних владельцев усадьбы, умершая от тифа в 1888 году. Когда-то ее прах охранял «Ангел молитвы» работы Марка Антокольского. Когда имя скульптора стало слишком известным, статую ради сохранности перенесли в один из парковых павильонов, и хочется верить, что на этом переделки в храме закончились навсегда – служенье Богу не терпит суеты.

Дворец из брусчатого леса

При Одоевских усадьба в Архангельском ничем не выделялась среди поместий средней руки, какие русские бояре устраивали на подмосковных землях. Дом вотчинника по-прежнему находился близ церкви, прячась за частоколом, окруженный многочисленными службами. На господском дворе, кроме бревенчатого дома, стояли, вытянувшись вдоль забора, амбары и житницы, поварня, погреб, ледник. Далее нестройным рядом шли ткацкие избы, конюшня и загоны для скота, к которым примыкал маленький «огородец», а также сад в «полторы десятины» – в общем, примитивное хозяйство, очень похожее на многие другие, существовавшие тогда под Москвой. Всем этим хоромам и сараям, наспех и грубо сколоченным из бревен, пришлось потесниться, уступив часть двора оранжереям – прихоти нового владельца усадьбы, коим в конце XVII века стал Михаил Андреевич Голицын. Он получил Архангельское в приданое за своей женой, дочерью боярина Одоевского. Супруги жили в Москве и, приезжая сюда, располагались в деревянных хорах, состоявших из 3 крошечных светлиц, соединенных столь же малыми сенями. Убранство комнат, в целом простое, отдельными деталями все же указывало на состоятельность хозяев: свинцовые переплеты на окнах, иконы в золоченых окладах, печи в желтых изразцах, дубовые столы, 4

обитых кожей стула, огромная кровать с периной и подушками в пестрядинных (грубая полосатая или пестрая ткань) или выбойчатых (ткань с набивным рисунком) наволочках.

Ни один из путей в Архангельское не минует леса

Не в пример предшественникам, Михаил Андреевич вел отчеты о своем хозяйствовании, подробно записывая все, что выращивал, собирал, продавал или покупал. Согласно документам, в его «аранжереях» зимовали лавры, фиоли, фиги, персики, померанцы, лимоны и около 200 сортов индийских трав. Летом растения перекочевывали в сад, где за ними смотрел садовый мастер Фёдор Тяжелов с 4 помощниками, получавший за то «годового жалованья 6 рублей 25 копеек». Помимо харчей (зерно и 2 фунта мяса на день) главному садовнику полагались шуба и кафтан, которые для него раз в 2 года шили усадебные мастерицы.

Можно представить, насколько резко цветники – бесполезная забава – контрастировали с остальными постройками усадьбы. Вдобавок они занимали много места, ведь каждый из них по площади превышал хозяйский дом. Известно, что в то время домашними парками увлекались только царственные особы. Возможно, боярин Голицын был первым, кто позволил этой «никчемной» моде покинуть Кремль и, в буквальном смысле слова, пышным цветом расцвести на подмосковной земле.

В 1703 году оранжереи вместе с домом и всем прочим, что числилось в усадьбе, перешли в руки другого, поначалу не столь заботливого хозяина – Дмитрия Михайловича Голицына. Сын Михаила Андреевича проворно карабкался по

служебной лестнице и, словно забыв про свою подмосковную вотчину, едва не погубил то, что с такой любовью создавал его родитель. К моменту приезда молодого барина, согласно отчетам, «в оном (Архангельском) дом прикащика и двое людей, а прочие дворы пусты стоят, дворовые частью умерли, частью заскудели и переведены в другие дворы, один взят в солдаты».

Знаменитый род Голицыных происходил от великого князя Литовского Гедимина, чей внук Патрикий жил в Москве с 1408 года и через сына Юрия сумел породниться с великим князем Московским Василием Дмитриевичем. Однако родоначальником династии считается не Гедимин, и даже не Патрикий, а его праправнук, князь Михаил Иванович Голица, имя которого переходило у Голицыных из поколения в поколение.

Доклад управляющего своему помещику. Картина неизвестного художника

Дмитрий Михайлович начал придворную карьеру комнатным стольником малолетнего Петра. Став царем, тот отблагодарил верного слугу чином капитана Преображенского полка и, невзирая на его семейное положение, отправил за границу «для науки воинских дел». Голицына больше ин-

тересовали дела морские, в частности навигация, которую он изучал в Италии, затем применив знания в Константинополе, где сумел добиться свободного плавания для русских судов по Чёрному морю. После дипломатической миссии в Польше и Саксонии князь управлял Белгородским разрядом (созданная в 1658 году военно-административная единица), причем в официальных бумагах его «писали» сначала воеводой, а затем губернатором. Перебравшись в Москву в качестве сенатора и президента Камер-коллегии, Голицын занимался подготовкой доклада по государственным доходам и расходам. Современники характеризовали его как человека честного, управителя неподкупного, вникавшего в каждую мелочь. Между тем, преклоняясь перед Петром, будучи верным служакой и «разумнейшим человеком своего века», Дмитрий Михайлович отвергал крутую ломку старинного уклада и, к несчастью своему, открыто сочувствовал царевичу Алексею. Обвиненный в заговоре, князь лишился чинов, а потом, уплатив немалый штраф, надолго оказался под домашним арестом.

Оставшись без должности, Голицын перебрался в Архангельское, где взялся за деревенское хозяйство с тем же энтузиазмом, с каким недавно занимался делами политическими. Старинный боярский двор не соответствовал вкусам придворного, к тому же бывавшего за границей и знакомого «с тамошними порядками».

Князя раздражал убогий вид сараев, теснившихся рядом

с домом. Не нравился ему и сам дом с душными светлицами, громоздкими лавками и столами, сработанными «безруким» деревенским плотником. Он решил построить новое жилище, но уже не на старом дворе, а поодаль, там, где позже была разбита верхняя терраса.

Дом, хотя и был возведен по старинке из брусчатого леса, смотрелся современно и мало чем напоминал боярские хоромы. Помня о европейской моде, хозяин распорядился устроить большой зал с «комлем» (камином) и 13 просторных комнат, украшенных резными дубовыми панелями и холщовыми шпалерами, которые неплохо расписали дворовые художники. Кроме камина, модного, но бесполезного в русском климате, господский дом обогревали 8 печей с изразцами – простыми и с рисунком. Не был забыт и двор, где ровными рядами выстроились лиственницы: сохранившиеся до сих пор, они являются свидетелями ландшафтных начинаний Дмитрия Михайловича.

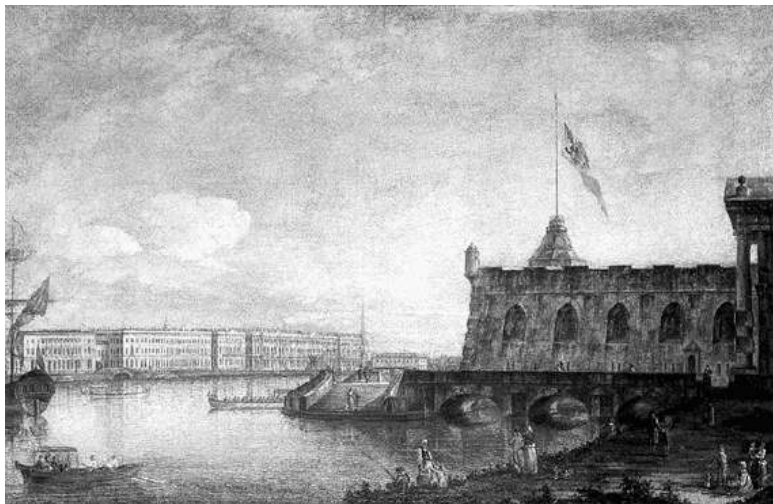
Еще более смелым нововведением стал сад, вернее, настоящий парк французского типа, широкой полосой протянувшийся от дома до обрыва, откуда не успели убрать крестьянские избы. В середине XVIII века парковые аллеи именовали «перспективными дорогами», обрамляя их, как сделал Голицын, липами и похожими на хлысты штамбовыми деревьями. Несохранившийся голицынский сад послужил основой того великолепного парка, который ныне составляет главную ценность Архангельского. Предполагается, что в расположе-

нии «перспективы» не было симметрии: она подходила не к крыльцу дома, а к боковым покоем. Так же, на первый взгляд, хаотично располагались и «партиры», как в официальных документах называли не партеры, а боскеты – в данном случае кусты, подстриженные в виде ровных стенок. Из отчетов управляющих стало известно, что они сформировали малые части парка, заполненные яблонями, грушами и барбарисом.

Несмотря на все старания, планировка усадьбы вначале была невнятной, и неудивительно, если учитывать и недостаток знаний хозяина в области садовой архитектуры, и то, что сад попросту не был закончен.

После смерти Петра I Голицын включился в борьбу за престол, встав во главе старобоярской партии. В этом необычном для себя качестве он в полной мере выказал свое аристократическое высокомерие: к иноземцам и случайным, как ему представлялось, людям относился с презрением, петровской реформе не симпатизировал, хотя сам успел воспользоваться ее плодами. Защищая права Петра II, он выступал против Екатерины I, словно забыв о том, что императрица – презираемая им Марта Скавронская – подписала приказ о его помиловании и восстановлении в чинах. Ему казалось, что управлять страной способна лишь родовитая знать, в данном случае представленная в Тайном совете. Так было и при вдове Петра Великого, и при малолетнем внуке императора, но герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, взошед-

шая на трон благодаря Голицыну, никаких ограничений признать не пожелала. Вначале подписав «Кондиции», по которым ей надлежало распорядиться в рамках царского двора, оставляя дела государственной важности Совету, она одумалась, «разодрала бумагу» и стала полновластной монархиней.

Ф. Я. Алексеев. Вид Петропавловской крепости и Дворцовой набережной, 1793. Картина из фондов музея-усадьбы «Архангельское»

Голицын покинул политическую арену с гордым видом, сказав на прощание: «Пир был готов, но гости оказались его недостойны! Я знаю, что буду жертвою. Пусть так, но я по-

страдаю за отечество! Я близок к концу жизненного поприща, но те, кто заставляет меня плакать, будут проливать слезы долее меня». Между тем для самого Голицына как политика это был еще не конец. Настоящая беда пришла 4 марта 1730 года, когда императрица разогнала Тайный совет, отправив в отставку всех его членов.

Дмитрий Михайлович сохранил звание сенатора, однако из Москвы уехал и с того времени постоянно жил в Архангельском. В бытность свою за границей он ознакомился с европейской наукой и завершил образование в Киевской академии. По его поручению с европейских языков на русский были переведены многие исторические и политические труды. В его архангельской библиотеке имелось более 6 тысяч печатных и рукописных книг как на родном языке, так и на «чужестранных диалектах – галанском, шпанском, англицком, швецком», частично переведенных на русский. Не стоит сомневаться, что хозяин все это читал, ведь, в отличие от «бородатых бояр», он владел иностранными языками – не случайно сам Пётр Великий не раз обращался к Дмитрию Михайловичу с просьбой перевести какой-нибудь документ или книгу.

В 1736 году больной и безмерно уставший от жизни Голицын предстал перед судом. Официально его обвиняли в незаконных действиях по делу о наследстве молдавского князя Кантемира, но на самом деле, как было заявлено в манифесте, судили за «коварства и бессовестные вымышленные

поступки». Лишив чинов и наград, сенатора приговорили к смертной казни, но Анна Иоанновна заменила плаху заключение в Шлиссельбургской крепости, где он, пробыв совсем недолго, умер.

Родственники, опасаясь той же участи, поспешили сжечь все бумаги. Так в огне погибли архивы и документы, относившиеся к строительству дома и парка. Усадьба вместе с остальным имуществом Голицына перешла к государыне. Была конфискована уже ставшая знаменитой библиотека, большую часть которой передали в Академию наук и Синод, а меньшую разобрали по домам московские дворяне. Опись отобранных книг не составлялась, поскольку чиновники, не зная иностранных языков, не смогли списать даже названия. В имперских архивах указано, что к 1740 году в канцелярии хранилось 2415 доставленных из Архангельского томов. Во время царствования Елизаветы некоторые из них были возвращены сыну опального верховника, Алексею Голицыну, которому вернули и отцовскую усадьбу.

Потомки Дмитрия Михайловича относились к библиотеке с благоговением и так старательно ее пополняли, что к началу XIX века книжное собрание Архангельского насчитывало более 20 тысяч томов, размещенных в 18 разделах. Значительную его часть составляли труды на французском языке, а самым большим был раздел художественной литературы: французские романы, пьесы, переводные сочинения античных и французских философов. Вторым по величине являлся исторический раздел: книги греческих и римских историков, огромные тома по истории европейских и отдельных восточных государств. Среди книг по искусству выделялись роскошные издания крупнейших европейских музеев, и не меньшим великолепием отличались каталоги картинных галерей и модных салонов почти всех столиц Европы.

Т. Тассо. Освобожденный Иерусалим. Книга из библиотеки Архангельского

Многие голицынские книги ценились не столько из-за содержания, сколько из-за своей старины и великолепного оформления. Среди них имелись издания, вышедшие в знаменитых типографиях Дидо (Франция), Эльзевиров (Голландия), Баскервиля (Англия), Альда Мануция и Бодони (Италия). К последней также относилось сочинение Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» с прекрасными иллюстрациями в полный лист. Уникальными изданиями уже в то время считались французский часослов XV века и Библия Мартина Лютера, выпущенная печатниками Виттенберга в

1565 году, после смерти автора. Коллекцию русских редкостей возглавляли фолиант «Патерик Печерский» и рукопись «Перло многоцветное», изданные в конце XVII века.

Сегодняшняя библиотека в Архангельском считается лучшей среди частных собраний в России. Теперь она принадлежит государству, но находится в ведении музея. Составляющие ее 16 тысяч томов – намного меньше того, чем пользовались последние владельцы усадьбы. Книжное богатство, как и в старые добрые времена, хранится в шкафах из красного дерева, стройными рядами стоящих у стен собственно библиотеки и примыкающих к ней комнат второго этажа. Теперь этот уголок является, пожалуй, единственным местом усадьбы, где не витает дух надменной столичной знати. Ни о чем, кроме тяги к знаниям, не напоминают низкие потолки, полы из некрашенных сосновых досок, чисто выбеленные стены без лепнины и росписей. Сюда можно попасть, пройдя, как положено, по узкой скрипучей лестнице. Самобытность интерьеру библиотеки придают простая мебель и такое же скромное убранство – когда-то роскошь в книжном царстве считалась дурным тоном. Тот, кто украшал эти помещения, если не знал наверняка, то уж точно догадывался о принципе, согласно которому обстановка рождает настроение. Действительно, в тиши скромных библиотечных залов воображение не рисует балов, пышных праздников и великосветских приемов, здесь все располагает к покою, вдумчивости, серьезному чтению, а теперь еще и к постижению старины.

Большой дом

Реставрацию правильной всего сравнить с раскопками – и в том, и в другом во всяком случае прошлое медленно, но настойчиво отвоевывает некогда утраченное место. Примерно так в ходе последних работ при расчистке восточной части фундамента старого дома в Архангельском во многом по воле случая была обнаружена медная закладная доска. Оказалось, что она украшала герб Голицыных. Имевшаяся на ней надпись на русском языке и на латыни раскрыла дату начала строительства дворца: «В 1784 году заложен был фундамент Двора Ее императорского величества действительного камергера, князя Николая Алексеевича Голицына, господина нижеописанных вотчин: Архангельского, Познянова, Никольского, Воронкова, Богородицкого и прочих сел и деревень...».

Упомянутый в надписи господин – удачливый екатерининский вельможа, внук Дмитрия Михайловича Голицына – впервые посетил Архангельское в 1773 году. Можно предположить, что молодой князь решил заняться запущенной дедовской усадьбой в угоду Павлу – тогда еще наследнику престола, – который после путешествия по Европе настоятельно советовал каждому своему придворному выстроить нечто похожее на Версаль.

После смерти опального сенатора Архангельское опусте-

ло, хотя и не было заброшено. В усадьбе обитало 66 душ мужского пола, чьи обязанности ограничивались обычными хозяйственными делами: уходом за скотиной, работами в саду и изредка осмотром пустого дома. Только через полвека здесь вновь раздались крики: «Барин приехал!», – и вскоре вся округа наполнилась стуком топоров, визгом пил и грохотом падающего камня.

Лелея мысль о Версале, Николай Алексеевич прямо следовал моде на увеселительные сады. К концу XVIII века они уже окружали северную столицу и начали проникать в Подмосковье. Давно утратив статус столицы, Москва все еще оставалась центром – экономическим, административным и, разумеется, культурным. Сюда слетались постаревшие «екатерининские орлы», оседая зачастую не в самой первопрестольной, а вблизи нее, в роскошных загородных имениях, устроенных так, чтобы в них не стыдно было принять государыню. Уже всюду гремела слава Кускова, столь же грандиозными обещали быть резиденции в Горенках, Ольгове, Никольском-Гагарине, Петровском-Алабине. Сам бог велел создать подобное и в Архангельском, благо места хватало, пейзажи были восхитительны, и располагалось оно намного удобнее других известных поместий.

Чайная пара с портретом Николая Алексеевича Голицына. Фарфор из фондов музея-усадьбы «Архангельское»

Думал ли Николай Алексеевич, видевший Париж (а кроме него, Страсбург, Вену, Милан, Турин), о французских королях или нет, но планы его потрясли размахом. Он задумал величественный ансамбль, начав с того, что раскрыл

свой дорожный журнал и записал деньги, израсходованные 3 сентября 1780 года, «на букет, извозчика, карточный долг, план Архангельского», за который архитектор де Герн получил 1200 рублей. Тот проект вместе с датой и подписями обеих сторон в полной сохранности дошел до наших дней, в отличие от сведений об авторе. О нем не известно почти ничего, кроме того, что он был немолодым французом и хорошим специалистом с дипломом и премией парижской Школы изящных искусств. Скорее всего, он не приезжал в Россию, и его вклад в Архангельское ограничился планом дворца, или Большого дома, как называл свою новую резиденцию Голицын. Проект парка и всего, что к нему относилось, принадлежал итальянцу Джакомо Тромбара. Он жил в России постоянно и, помимо звания члена Академии художеств и должности придворного зодчего, имел много знакомых среди столичной знати, в числе которых был и Николай Алексеевич. Именно Тромбара предложил разбить в усадьбе парк с террасами и новыми оранжереями, воплотив замысел с итальянским мастерством и русским размахом. Благодаря ему корявый склон превратился в произведение ландшафтного искусства. Добиться этого можно было, лишь хорошо изучив местность, что и делал Тромбара, подолгу и часто бывая в Архангельском.

Въездная арка и придворцовые флигели. Рисунок неизвестного художника, XIX век

Уничтожив почти все старые постройки, архитектор принялся за новый дом. Одновременно со стенами дворца поднимались стены флигелей, заставляя мастеров с особым усердием тесать белокаменные блоки. Две двойные колоннады тосканского ордера мало-помалу окружили парадный двор, подчеркнув особую роль дворца в общей композиции ансамбля. Более приземленное их значение состояло в том, что стройные белокаменные колонны образовали удобные – сквозные, но крытые – проходы, связавшие дворец со служебными постройками. Считается, что классическая колоннада в Архангельском появилась немного раньше, чем в дру-

гих загородных поместьях.

Большой дом. Фотография, конец XIX века

Вместе с Большим домом на высоком берегу Москвы-реки строились 2 тепличных павильона, законченные к 1786 году. Ни один из них до нашего времени не сохранился, однако представить, как они выглядели, позволяет рисунок крепостного художника, где оранжереи изображены вместе с ближайшим участком Большого партера, как ландшафтным искусстве называют парадную, открытую часть парка, для которой характерны геометрическое построение, строгость линий и форм. При оформлении партера в Архангельском Тромбаре не понадобилась фантазия, ведь подобные соору-

жения не допускали отклонения от правил: прямые аллеи, огромные засеянные травой площади, редко посаженные и подстриженные по-версальски в виде шаров деревья. Позади них возвышалась стена из старых лип с пышными кронами. Считается, что липы остались от французского сада Дмитрия Михайловича, поскольку новый хозяин хотел иметь настоящий парк сразу, не дожидаясь пока вырастут молодые деревья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.